

«УТВЕРЖДАЮ»

Проректор по научно-богословской работе
РО–ДОО ВО «Санкт-Петербургская Духовная Академия
Русской Православной Церкви»

кандидат исторических наук, кандидат богословия

доцент, прот. К. А. Костромин



17 мая 2022 г.

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Религиозной организации –

духовной образовательной организации высшего образования

«Санкт-Петербургская Духовная Академия

Русской Православной Церкви»

на диссертацию священника Алексея Николаевича Рыженкова

«Чудо: исторический, литературный и богословский

аспекты (по материалам русской агиографии XVII века)»,

представленную на соискание ученой степени кандидата богословия

Диссертация священника Алексея Рыженкова посвящена актуальному в истории русской литературы, семантики и церковной истории вопросу о месте чуда в представлениях людей (писателей, читателей) XVII века. Действительно, чудо является почти неотъемлемым элементом церковной литературы практически всех жанров вплоть до XVII века и отражает специфику мировосприятия древнерусского человека, для которого грани существования и взаимодействия земного и загробного миров, мира ангелов и бесов были стерты, а представления о законах мироздания в большей степени касались внутреннего мира человека, чем естественнонаучных представлений. Конечно, говоря о XVII веке, необходимо иметь в виду его переходный к эпохе Нового времени характер, когда новоевропейское мышление проникало в

русскую среду, все более активно влияло на нее и формировало переходные формы от традиционного религиозного мировоззрения к секулярному, что сказалось и на истории, и на литературе эпохи. Тем интереснее выяснить, как менялось отношение к чуду, более понятному человеку средневековья, в этот сложный «бунташный» век.

Автор диссертации вполне отдает себе отчет в том, какова специфика рассматриваемой эпохи, отмечая ее восприимчивость к польской исторической мысли и барочным стилистическим формам (С. 10), хотя и рассматривает жития в контексте только средневековой традиции (С. 7-9, 12), не касаясь восприятия чуда в ближайшем последующем – XVIII веке, что придало бы дополнительную полифоничность. В центре внимания о. Алексия жанровые особенности литературы XVII века, отражающие указанную специфику в передаче чудесных явлений. Конечно, жанр агиографии испытал глубокий кризис в петровскую и послепетровскую эпоху, но, конечно, представления о чудесном можно почерпнуть не только из нее. Сам по себе интерес к агиографии как к предмету изучения, появившийся в синодальную эпоху и отмеченный диссертантом (С. 12), косвенно говорит и о соответствующем отношении к чуду как феномену.

Диссертацию сопровождает внушительных объемов введение, в котором тема чуда как богословская проблема, а также феномен мировосприятия, отразившийся в литературе, разобрана достаточно подробно, емко и последовательно. Во введение помещен также подробный обзор литературы вопроса, отличающийся как известной полнотой, так и достаточно детальными и точными характеристиками. Единственное существенное упущение в этом разделе касается современной историографии древнерусской литературы, поскольку в диссертации не упомянуты и не охарактеризованы работы, в которых рассматривается проблема литературных топосов и тропов (работы, прежде всего, Т. Р. Руди, А. С. Демина, А. М. Ранчина, М. В. Антоновой и других). А ведь описание чудес часто и является либо топосом, либо литературным тропом, поскольку типологично по отношению к

аналогичным более ранним образцам и помещалось в агиографические памятники с учетом или даже точным соблюдением канонов жанра.

Во введении представлен также и подробный обзор источниковой базы, предваряемый общими наблюдениями и заканчивающийся детальным описанием житий, взятых в исследовании за основу. При том, что подбор самих агиографических произведений в целом не вызывает возражений, как и их описание, жаль, что автор не заинтересовался псковскими агиографическими произведениями XVII века, детально изученными и частично опубликованными В. И. Охотниковой, а также многочисленными преподобническими житиями, указанными в части первой третьего выпуска «Словаря книжников и книжности Древней Руси». Стоило бы особое внимание также обратить на творчество таких плодовитых книжников, как священноинок Герман Тулупов, архимандрит Сергей Шелонин, монах Симон Азарьин.

Первый параграф первой главы посвящен раскрытию богословского содержания понятия чудо. Диссертант делает историографические отступления, выводит определения понятий, связанных с этим концептом. Определения трудно назвать исчерпывающими и удачными; по крайней мере, если речь идет о знамении и чуде. В диссертации они определяются как повествование и рассказ о чем-то, в то время как в представлении агиографов рассказ вторичен по отношению к описываемому событию или явлению. Чудо прежде всего – вторжение сверхъестественного в обыденное, а затем уже рассказ о нем. Кроме того, трудно согласиться с утверждением, что чудо всегда решает «по воле [в работе в этом месте опечатка] Божией проблемы людей» (С. 41). Во-первых, чудо не всегда является ответом на проблемы. Во-вторых, оно не всегда их решает. Приведенное ниже в диссертации (С. 42) определение прот. Олега Давыденкова значительно точнее и более емко.

Общие замечания культурологического, этимологического, богословского характера помогают лучше понять, что понимается под чудом, и нужно отметить, что в работе все эти обобщающие рассуждения так или

иначе связаны с описанием чудес в древнерусской агиографии, то есть с объектом исследования, и это достойно похвалы (но, к сожалению, материалом для подтверждения мыслей автора послужили тексты, намного более древние, чем те, которые были заявлены в качестве объекта исследования). Правда, иногда такие экскурсы оказываются в противоречии с утверждениями, данными в других местах работы. Так, в первой главе автор считает «необходимым исключить сам феномен чуда из поля исследования исторической науки, поскольку ни один ученый не сможет рациональным и экспериментальным путем доказать или опровергнуть наличие чудес в нашем мире» (С. 43), что согласуется с современной научной картиной мира. А во введении автор утверждал, что «в настоящее время идет вульгаризация феномена чудес в агиографической литературе. Рационалистический и либеральный подходы проникают и в богословскую среду, удаляя из нее главное — мистическое и иррациональное. Это придает исследованию отчасти и апологетический характер» (С. 10). Получается, что апологетика чуда может как-то сочетаться с неизбежным для современного человека сциентизмом. Понятно, что верующий человек доверяет Богу, Его чудесам и рассказам о них, однако он не нуждается во вписывании их в научную картину мира.

Второй параграф содержит рассуждения о феномене святости и особенностях жития как историко-литературного жанра. Трудно сказать, насколько содержание данного параграфа оригинально – речь идет, скорее, о пересказе общих положений, давно обсуждавшихся в науке. Здесь также можно встретить противоречивые рассуждения. Мысль, что «Жития святого включены в историю. В них описываются исторические факты с реальными лицами. Конечно, житийный канон допускает в описании событий некоторые отступления, но общий фон и жизнь святого в житийной литературе имеют историческое основание» (С. 52) вступает в очевидное противоречие с утверждением, что «в первую очередь, в русской письменности происходит отход от историзма. Появляются художественные произведения, в которых

авторскому вымыслу отдается предпочтение перед фиксацией фактов исторической действительности. Этому процессу отделения различных литературных жанров от летописного повествования в значительной степени способствовал кризис русского летописания в предыдущем, XVI веке» (С. 10). Если с первым замечанием с оговорками согласиться можно, то со вторым – намного труднее, поскольку рост рационализма в XVII веке делал историзм повествования все более вынужденным. Зато несомненным плюсом является то, что подтверждающий материал в этом параграфе почти или совсем совпадает с основными заданными хронологическими рамками.

Со второй главы автор переходит непосредственно к рассмотрению агиографии интересующего его периода. Диссертант избрал хронологический принцип деления материала – на первую и вторую половину XVII века. Заявляя, что в центре внимания в первом параграфе находятся «посмертные чудеса, а именно — содержащиеся в позднейших приписках первой половины XVII века к первоначальному тексту более ранних житий», автор, минуя собственно исследование, сразу переходит к выводам, в то время как именно исследование – выделение чудес из житий, подсчет и сравнение количественных показателей, сравнение их по содержанию, терминологии, типология, выявление тенденций – представляют основной интерес. Приходится верить на слово, но кажется вполне реалистичным заключение диссертанта, что все рассматриваемые жития первой половины XVII века принадлежат преподобным (С. 82) (это резонно просто потому, что диссертант не стал включать в свой обзор целый пласт непреподобнических житий первой половины XVII века: Житие св. Димитрия Угличского, составленное в 1606-1607 годах; Житие Иоанна, юродивого Московского, по прозвищу Большой Колпак, составленное в 1647 году; Житие св. князя Романа Угличского, составленное между 1605-1609 годами и изобилующее чудесами; Житие свят. Федора Ростовского, составленное, по мнению В. О. Ключевского, в середине XVII века). Впрочем, если бы круг рассматриваемых житий был бы расширен хотя бы по перечню таковых в части первой третьего

выпуска «Словаря книжников и книжности Древней Руси», то с заменой слова «все» на «подавляющее большинство» утверждение диссертанта было бы все равно верным. Диссертант на доступном ему материале перепроверил типологию агиографических чудес, предложенную И. В. Стародумовым, и нашел ее верной.

Отдельный параграф посвящен мученическим житиям эпохи Смутного времени. Круг рассмотренных в контексте этой тяжелой для Российского государства эпохи оказался несколько более широким и более внятно очерченным, чем в предыдущем параграфе, где подбор житий кажется случайным. Диссертант отмечает, что «одной из специфических черт рассматриваемого здесь агиографического материала является его авторский характер» (С. 90), с чем трудно не согласиться. Очевидно, эта характеристика должна быть распространена и на описываемых святых этого периода. Можно вполне согласиться и с наблюдением, что в мученических житиях первой половины XVII века жития имеют посмертный характер, поскольку именно мученическая кончина является сердцевиной подвига этих святых.

Отдельный параграф посвящен святым отрокам – Артемию Веркольскому и Василию Мангазейскому. Отец Алексей сразу же отсек необходимость разбора Жития св. Димитрия Угличского, ссылаясь на слова Г. П. Федотова, что в нем скорее «видели жертву ритуального убийства» (С. 102). Вряд ли это справедливо в том смысле, что политическая подоплека прославления царевича должна скомпрометировать агиографические памятники, ему посвященные. Тем более жаль, что Житие Димитрия оказалось упущено диссертантом, поскольку оно содержит 42 посмертных чуда, что сопоставимо с числом чудес двух упомянутых святых отроков. Обзор агиографии обоих отроков сделан вполне серьезный, в том числе и житий. Диссертант указал на шаблоны из иных житий «взрослых» святых, повлиявшие на создание рассматриваемых агиографических памятников. Можно было бы сравнить чудеса и образы с более ранним образцом – св. юноши Иакова Боровичского, житие которого было составлено в последние

годы XVI века, и св. менюжских отроков, сказание о которых датируют рубежом XVIII–XIX веков. При этом вывод, что «характерной особенностью Жития Артемия Веркольского является минимизация собственно житийного материала и колоссальная гипертрофия “постскриптума”» (С. 105), выглядит вполне убедительно.

Наиболее любопытно сформирована третья глава. Здесь параграфы следуют не столько хронологическому или типологическому принципам, которые перемешаны при формировании второй главы, а скорее – проблемному принципу, который предполагает более глубокий анализ и выявление ключевых («проблемных») точек и тем, характерных для эпохи.

В первом параграфе разобраны ситуация деканонизации св. Анны Кашинской. Удачно вписана в контекст изучаемой темы проблема идентификации кашинской княгини. В связи с этим феноменом сформулирован тезис: «В связи с началом почитания Анны Кашинской важно отметить тенденцию, характерную для церковной жизни XVII в., а именно: восприятие чуда как главного критерия и почти решающего фактора для канонизации» (С. 118), который сам по себе выглядит убедительно, но, к сожалению, нужная в качестве доказательной базы фактологическая аргументация отсутствует. Зато удачно показана аргументация в рамках расследования по прекращению почитания святой княгини, примененная к выявленным ранее чудесам.

Второй и третий параграфы посвящены автобиографическим житиям старообрядческих лидеров. В первом из них очень много внимания уделено литературным особенностям данного жанра и характеристикам авторов. Отец Алексей подвел читателя к теме чудес еще во втором параграфе, упомянув, что «обычный человек может рассчитывать лишь на разовое “откровение” — явление из мира духовного — как на особую милость к нему, как на призыв или на искушение (если речь идет о действии бесов). Именно с бесами чаще всего происходит соприкосновение у Аввакума и Елифания. Необычность этого опыта для большинства людей, которая осознается авторами, а также

ординарность таких явлений для самих писателей становится одним из факторов для написания ими своих автобиографий» (С. 130, чуть подробнее отмечена на С. 140). Данное наблюдение, отсылающее нас к такому вполне чудесному явлению, как видение (о них достаточно говорится в параграфе 3), могло бы привести к плодотворному сравнению указанных «автоагиографий» со Сказанием о путешествии свят. Иоанна Новгородского на бесе, появившемся в середине XV в., или с Хождением Богородицы по мукам.

Тема продолжена в третьем параграфе, в котором говорится об описании чудес в старообрядческих мартириях. Анализ описываемых житий здесь детальный, основан на внушительной исследовательской литературе. Здесь иногда хотелось бы получить больше комментариев, например, к нарочитому отношению протопопа Лазаря к пророку Илии (С. 142) и евангельским или апостольским параллелям к данным чудесам (вообще новозаветные параллели к агиографическим чудесам могли бы составить интересный пласт исследования).

Достаточно обширное заключение дает обобщение сказанному в диссертации и носит более отвлеченный от непосредственного исторического материала характер. Высказанные в нем мысли нужно признать убедительными. Автор усмотрел, что «в посмертных чудесах первой половины XVII века обращает на себя внимание заметно меньшее влияние агиографического канона, а также активное внедрение в агиографический памятник элементов разговорного и официально-делового стиля» (С. 149), а также что среди агиографических чудес «выделяется два жанрообразующих (мотив чуда и мотив беды) и один сюжетообразующий (мотив конкретной проблемы — болезни или угрозы жизни)» (Там же). Плодотворным можно признать и утверждение, что «оба эти феномена — чуда как единственной причины канонизации и деканонизации невзирая на чудо — являются противоположными крайностями, выходящими за рамки традиционного мышления древнерусского человека, но второй из них, несомненно, более противоречит этому мышлению» (С. 153). Многое может дать и мысль о

новаторстве старообрядческих авторов, начавших использовать описания чудес как аргумент в церковной полемике, что является одним из элементов протекавшего во второй половине XVII века процесса секуляризации мышления (С. 155).

К сожалению, «за бортом» исследования осталась житийная литература нестарообрядческой книжности второй половины XVII века.

В целом, диссертация священника Алексея Рыженкова содержит достаточный элемент новизны, чтобы считаться удавшимся научно-квалификационным исследованием. В нем сформулирована оригинальная постановка проблемы и решение ее на источниковом материале с привлечением широкого круга научной литературы разных эпох, в том числе – в значительной мере современной. Автору удалось продемонстрировать различие отражения чуда в агиографической литературе в зависимости от типа святости подвижника для первой половины XVII века и тенденции в изменении восприятия и эксплуатации чуда во второй половине XVII века в старообрядческой литературе.

В работе встречаются опечатки и стилистические неловкости, однако в целом стиль не только научный, но и хороший литературный, что позволило легко прочесть диссертацию и без усилий вникнуть в ее содержание.

Положения, выносимые на защиту, возражений не вызывают. Автореферат полностью соответствует содержанию диссертации. Основные выводы нашли отражение в публикациях в изданиях, входящих в Общецерковный перечень рецензируемых изданий, в которых должны публиковаться результаты исследований соискателей церковных ученых степеней доктора богословия, доктора церковной истории и кандидата богословия.

Подводя итог, можно констатировать, что диссертация на тему «Чудо: исторический, литературный и богословский аспекты (по материалам русской агиографии XVII века)» представляет собой самостоятельное завершённое научное исследование и отвечает требованиям, предъявляемым к написанию и оформлению диссертации на соискание ученой степени кандидата

богословия, а ее автор – священник Алексей Николаевич Рыженков заслуживает присуждения ему учёной степени кандидата богословия.

Отзыв составил кандидат исторических наук, кандидат богословия, доцент, доцент кафедры церковной истории прот. Константин Костромин.

Отзыв обсуждён и утверждён на заседании кафедры церковной истории Санкт-Петербургской Духовной Академии 13 мая 2022 г. (протокол № 8).

Заведующий кафедрой церковной истории
РО–ДОО ВО «Санкт-Петербургская Духовная Академия
Русской Православной Церкви»
доктор богословия, кандидат философских наук,
профессор

прот. Г. Митрофанов

прот. Георгий Митрофанов

*Подпись руки
прот. Г. Митрофанова
заверено.
Зав. канцелярией СПбДА
О. Толома
16.05.2022*

